

УДК 811.161.1, 316.775, 81'42

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/7

СЛАВЯНСКИЙ КОМПОНЕНТ В САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЖИТЕЛЯ СИБИРИ*

Т.А. Демешкина

Томский государственный университет, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: demeta@rambler.ru

Авторское резюме

В статье представлен материал, отражающий результаты процесса идентификации и самоидентификации в разных дискурсивных практиках. В качестве основного материала использованы речевые свидетельства сибирских старожилов об осознании их принадлежности к славянскому этносу (русскому) и одновременно о принадлежности к особой субэтнической группе сибиряков, выделяемой на фоне сопоставления с новоселами и коренным населением Сибири тюркского и финно-угорского происхождения. Анализу подверглись случаи актуализации лексемы *сибиряк* и однокоренных с нею лексем, а также абсолютные синонимы (*чалдон*, *чалдонка*), именующие русского сибирского старожила. Полученные результаты анализа были сопоставлены с данными Национального корпуса русского языка, которые отражают функционирование названных лексем в художественных и публицистических текстах. Сравнительный анализ показал, что осознание сибирской идентичности осуществляется по разным основаниям и признакам. Такими признаками являются географический, этнографический, антропологический, лингвистический, ментально-психологический, аксиологический. Актуализация этих признаков осуществляется по-разному в различных типах дискурсов. В диалектном дискурсе на первый план выдвигаются топонимический, этнокультурный, лингвистический аспекты семантики исследуемых лексем. В художественной и публицистической литературе в зону осмысления попадают аксиологический и ментально-психологический компоненты.

Ключевые слова: самоидентификация, славянский, сибиряк, сибирский, коммуникация, диалектный дискурс, русский старожильский говор.

TRAITS OF THE SLAVIC IDENTITY IN THE SELF-IDENTIFICATION OF A SIBERIAN NATIVE**

T.A. Demeshkina

Tomsk State University, 36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: demeta@rambler.ru

Abstract

The article contains the material demonstrating results of the identification and self-identification processes in different discourse practices. As the basic source, the author uses the speech evidence of Siberian long-term residents on understanding their belonging to the Slavic ethnos (the Russian one) and

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

** This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

at the same time to a special subethnic Siberian group outlined against new occupants and natives of the Turkic and Finno-Ugric origin. The actualization of the lexeme *sibiryak* ('a Siberian') and single-rooted lexemes as well as its absolute synonyms (*chaldon*, *chaldonka*) naming a Russian Siberian old-timer has been analyzed. The results of the analysis have been compared with the data from the Russian National Corpus; they demonstrate functioning of these lexemes in literary and publicistic texts. The comparative analysis has shown that understanding the Siberian identity happens according to different reasons and features. These features include geographical, ethnographic, anthropological, linguistic, axiological, mental and psychological ones. The actualization of the features is different in different discourse types. In the dialectal discourse toponymical, ethnocultural and linguistic aspects of the lexeme semantics are most significant. In literary and publicistic literature axiological, mental and psychological components are expressed.

Keywords: self-identification, Slavic, *sibiryak*, Siberian, communication, dialectal discourse, Russian old-timers' subdialect.

Постановка проблемы. Проблема поиска национальной идентичности и самоидентичности находится в русле актуальных направлений гуманитарных исследований. В рамках данной проблематики выделяются работы, посвященные изучению возможности формирования новых субэтнических групп и даже новых национальностей.

Потребность в самоопределении возникает у жителей больших территорий, заселяемых представителями разных национальностей и вступающих во взаимодействие друг с другом, а также народов, оказавшихся в результате сложных исторических процессов разрозненными и проживающими на территориях разных государств. Ярким примером, демонстрирующим вторую тенденцию, является этническая история русинов (Суляк 2004, 2009). При исследовании национальной идентичности ученые опираются на факты языка как на одну из форм, отражающих и конструирующих национальную ментальность. Так, на страницах журнала «Русин» публикуются статьи, в которых язык русинов анализируется в историческом, сопоставительном, лексикографическом, антропологическом и других аспектах (Ябур, Плешакова 2005; Резанова, Шиялев 2015).

Исследования, связанные с историей русинов, направлены на выявление и сохранение древней основы (исторической памяти), объединяющей русинов, проживающих в разных местах. Исследования сибирской идентичности имеют противоположный вектор и направлены на выявление причин и механизмов, способствующих формированию нового субэтнуса в условиях освоения единого обширного пространства.

Проблема изучения сибирской идентичности имеет длительную историю, истоки которой восходят к концу XVII в. (Бороноев 2010: 81), когда у русских старожилов возникло понятие «сибирство», а окончательное формирование сибирской идентичности датируется

XIX в. и обусловлено во многом ростом старожилов-сибиряков. В исторических трудах часто приводится высказывание А.П. Щапова, отмечавшего, что «в Сибири, вследствие скрещивания славяно-русского племени и других разноплеменных выходцев из России с сибирско-азиатскими племенами, мало-помалу слагается своеобразная однородная масса населения, не удерживающая в одинаковой степени признаков ни чисто славянско-русской расы, ни чисто азиатских племен» (цит. по: Бороноев 2010: 83). О новой «сибирско-русской народности» писал и Н.М. Ядринцев, один из участников общественного движения «Сибирские областники».

В этнографическом, историческом, этносоциальном и других аспектах исследуется проблема сибирской идентичности сотрудниками Сибирского отделения Российской академии наук (см. напр.: Попков 2002; Марков 2003; Мамсик 2004 и др.).

Широкий резонанс в медийной сфере получили результаты проекта новосибирских социологов (Ечевская, Анисимова 2012). Симптоматично, что названия статей, посвященных исследованию проблем сибирской идентичности, сформулированы в форме вопроса, что свидетельствует о поисковом (постановочном) характере проблемы (см., напр., статьи М. Жигуновой «Сибиряк как новая национальность: миф или реальность?» (Жигунова 2011), М. Васехи «Кто такой “сибиряк”: что такое сибирская идентичность» (Васеха 2014)).

Проблема региональной идентичности не может получить своего решения без привлечения фактов языка, являющегося маркером этнокультурной идентичности. Объект исследования в предлагаемой статье – лексемы *сибиряк*, *сибирский* и другие именованья сибиряков, актуализованные в русских старожильческих говорах Среднего Приобья. В задачи данной статьи входит анализ того, какое место занимает славянская составляющая при самоидентификации жителя Сибири, а также формы и способы отражения в языке сибирской идентичности. Основные вопросы, которые решаются в рамках данной статьи: отражает ли язык особую ментальность жителя Сибири? Какими смыслами нагружены лексемы *сибиряк*, *сибирский* в разных типах дискурсов? Анализу подвергается только номинативная лексика как наиболее репрезентативная. Не анализируются косвенные и скрытые формы идентификации.

В лингвистическом аспекте сибирская идентичность осмыслялась в рамках исследования категории «свое» – «чужое» на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья (Серебренникова 2004). Из последних работ, посвященных проблеме идентичности, назовем

монографию М.А. Лаппо, которая разграничивает понятия идентичности, идентификации, самоидентификации (Лаппо 2013).

Методы анализа, материалы и источники. Применение методов исследования определяется характером материала, привлекаемого для решения поставленной проблемы. Основным источником материала являются записи диалектной речи, полученные в ходе диалектологических экспедиций сотрудниками кафедры русского языка Томского государственного университета, проводимых с 1946 г. по настоящее время. Материалы отражают речь жителей Среднего Приобья – носителей русского старожильского говора Сибири. В качестве источников использованы также материалы картотек, содержащие высказывания, в которых актуализованы исследуемые лексические единицы. Картотеки хранятся в лаборатории общей и диалектной лексикографии Томского государственного университета, наиболее крупными из которых являются: 1) картотека «Среднеобского диалектного дифференциального словаря», насчитывающая 87 746 карточек; 2) картотека «Мотивационного диалектного словаря», включающая более 80 тыс. карточек; 3) картотека «Полного словаря сибирского говора» – 60 169 карточек; 4) картотека «Полного словаря диалектной языковой личности» – более 100 тыс. карточек.

Из опубликованных источников использованы диалектные словари, составленные томскими диалектологами и дающие возможность проанализировать лексикографическое описание лексем, содержащих в структуре лексического значения этнический или региональный компонент.

Обращение к речи сибирских старожилов мотивировано тем, что, по утверждению историков, впервые «понятие “сибирство” возникло именно у старожильцев-русских, а затем затронуло и индигенные народы» (Бороноев 2010: 81). Лингвистическим аргументом в пользу репрезентативности источника служит наличие старожильского говора Сибири, сохранившего свою материнскую основу. Впервые «сибирское наречие» было выделено в середине XIX в. В.И. Далем наряду с московским, новгородским и другими. Им же была зафиксирована лексема *сибиряк* в значении «житель, уроженец Сибири» в «Толковом словаре» (Даль 1998). Терминологический статус словосочетания «старожильский говор Сибири» был обоснован О.И. Блиновой в 1971 г. с опорой на совокупность общих фонетико-грамматических и лексико-фразеологических черт, характеризующих речь стародавнего населения Сибири, и противопоставлен говорам «новоселов», поздних переселенцев, сохранивших прежний диалектный тип (Блинова 2006: 46-47).

В качестве дополнительного материала привлечен материал Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) 2015) с целью выявления

общности и различия в осмыслении разных аспектов семантики анализируемых лексем в различных дискурсивных практиках. Полученные результаты были сопоставлены с данными социологических и социолингвистических опросов, проведенных среди городского населения и представленных в статьях исследователей Сибири. Цель такого сопоставления заключается в том, чтобы выявить общность и различие компонентов самоидентификации в обыденном сознании разных социальных групп. Включение в процесс анализа данных НКРЯ, отражающих взгляд на сибиряков «со стороны», обуславливает необходимость разграничения понятий самоидентификации и идентификации. Самоидентификацию мы понимаем как «не только процесс поиска, формирования идентичности (конструирование), но и маркирование своей – уже найденной или только становящейся – идентичности в целях ее сохранения» (Лаппо 2013: 17).

Основным методом исследования является метод научного описания, включающий приемы контекстуального анализа, компонентного анализа, количественных подсчетов, прием сопоставления, социолингвистического комментария. В работе использованы также элементы дискурсивного анализа. Обращение к метатекстам необходимо для того, чтобы проанализировать отражение самоидентификации на уровне обыденного языкового сознания сибирских старожилов.

В зону нашего внимания включены факты языка, отражающие групповой и индивидуальный типы идентичности (Эриксон 1996), включающие оппозиции «я, мы – он (они), другой, другие», отраженные в языковых формулах «Я не X, а Y». Анализируются также контексты, в которых идентичность осмысляется без противопоставления себя (своей группы) другим.

«Знаки славянского мира» в старожильческом говоре Сибири.

В среднеобских говорах не фиксируется указание на принадлежность к славянскому этносу в целом. Лексема *славянский* зафиксирована лишь в двух случаях в «Вершининском словаре» в значении наречия «по-славянски, по-славянскому» с толкованием «на церковнославянском языке»: *По-русскому, по-славянскому; По-славянски ли цё ли там (читают над покойником)* (Вершининский словарь 2002).

Вместе с тем встречаются контексты, в которых содержится упоминание о поляках и украинцах, что объяснимо количественным составом представителей названных национальностей. Контексты дают возможность судить о присутствии славянских народов на территории Сибири и контактах с ними: *А кто-то говорил, гыт. Нонче. Это Катя украинка-то, хохлуша. Она, гыт, стара против его* (Полный словарь диалектной 2012). *Когда их эвакуировали из Польши, они все здесь, в Батурино жили,*

поляков-то много было (Полный словарь диалектной 2012). *Старик польчок, с польской границы лечил* (Вершининский словарь 2002). В говоре функционируют лексемы *полька* с общерусской омонимичной семантикой «быстрый по темпу танец, а также музыка к этому танцу» (*И польку играли, плясали, и метелицу каку-то-чѣ, всяко*) и в значении «мужская стрижка» (*Занавески редки-редки, Теперь знаю у кого, Русы волосы под польку У матани моего*) (частушка). В собственно диалектном значении зафиксировано название растения «польской лук»: *Польской лук есть, как лук растет, такой же* (Вершининский словарь 2002). Единичные контексты содержат информацию о представителях других славянских государств: *А тут чехославыки начали безобразничать* (Мотивационный диалектный словарь 1983). Наибольшую частотность по сравнению с именованиями представителей других славянских народов, как и следовало ожидать, приобретает именование русских. Так, в Вершининском словаре субстантивированное прилагательное в форме множественного числа *русские*, а также *русский*, *русская* имеет 38 актуализаций: *Вперед русских они /татары/ жили. Перво-то русских – семь дворов было*.

Предметом отдельного исследования может стать собственно диалектная лексика, общая с другими славянскими языками. Так, *самоуком* фиксируется в болгарском языке. Лексико-семантический вариант значения *вонять* (пахнуть) объединяет среднеобские говоры, в частности с чешским языком.

Анализ диалектного дискурса. Формирование сибирской идентичности обусловлено несколькими факторами: территориальной удаленностью от европейской части России, суровыми климатическими условиями, обширными, труднопроходимыми пространствами тайги, болотами, многонациональным и многоконфессиональным составом населения. Сравним с перечисленными признаками определение понятия *нация* в «Этнопсихологическом словаре», где под нацией понимается «большая социальная группа, исторически возникающий тип этноса, представляющий собой определенную общность людей, характеризующуюся единством территории, тесными экономическими связями людей, общностью языка, культуры, черт психического склада» (Крысько 1999). Как свидетельствует определение, большая часть признаков совпадает с факторами формирования сибирской идентичности.

Осознание названных факторов демонстрируют записи диалектной речи, свидетельствующие о том, что старожилы стремятся подчеркнуть свою непохожесть на жителей европейской части России и в то же время осознают собственную славянскую (русскую) составляющую в сравнении с тюркоязычным населением Сибири.

Анализ вхождений лексем *сибиряк (чалдон), сибирский, по-сибирски* в диалектный дискурс выявил актуализацию разных аспектов лексической семантики данных лексем.

1. Топонимический аспект семантики. Топонимический компонент, отраженный в толковании словарных значений, подтверждается и многочисленными контекстами, в которых *сибиряк* занимает позицию однородного члена в структурах с семантикой противопоставления. Вторым членом этого ряда является наименование жителей определенной области европейской части России (губернии). В контекстах отражена также оппозиция «старожилы-новоселы»: *Раньше жили коренные сибиряки, а потом приехали пермяки* (Мотивационный диалектный словарь 1983). Встречаются контексты, свидетельствующие об осознании неоднородности сибирского населения, живущего в разных климатических зонах: *Тундра – это по Север, все они люди – северяки. А мы – сибиряки* (Мотивационный диалектный словарь 1983).

2. Этнический, этнографический (этнокультурный) компонент семантики лексемы *сибиряк* актуализуется в высказываниях, содержащих информацию о представителях других этносов, в том числе славянских. Идентификация по этническому принципу осуществляется путем саморефлексии, а также посредством обращения к национальности своих родителей, к истории своей семьи. Отмечена актуализация трехчленной оппозиции «поляк – сибирский – русский»: *Отец у меня с Саратова – поляк, мать сибирска. И я уж теперь русска*. Факт личной самоидентификации отражается и в семантико-синтаксической структуре высказывания, где позицию субъекта-подлежащего занимают имена родства, а также личное местоимение, характеризующую функцию выполняют предикаты, маркирующие названные субъекты по этническому признаку.

Этнокультурная составляющая лексем, маркирующих жителей Сибири, проявляется при осмыслении различий в одежде, обрядах, ведении хозяйства: *Сарафаны расейски носили, а чалдоны не носили; А это уж сибиряцка свадьба, чалдонска* (Словарь русских старожильческих 1967); *Руками сеяли из севалки или из мешка... Из лубка, из соломы делали расейски, сибиряки из мешка больше* (Мотивационный диалектный словарь 1983).

Осознание своей славянской (русской) идентичности жителями Сибири проявляется в контекстах, посвященных взаимодействию с теми, кто приехал в Сибирь не по своей воле, со спецпереселенцами, среди которых были люди разных национальностей: *Ссылных привезли первый раз. Мы боимся их, они нас. А потом привыкли, так как свои, родны были. Наши даже замуж выходили за них; Мы-то русские коренные. Они работали. С нами ссыльные были с Поволжья. Немцы. Ох, они все повымерли*.

Им очень трудно было. Если бы не мама наша, нас бы тоже похоронили (Рукописный архив).

Осуществляется дифференциация внутри славянского этноса: *Борчатка была хохлацкая, а это наша* (Вершининский словарь 2002).

3. Этнотопонимический. В большинстве контекстов актуализация топонимического аспекта семантики сопровождается наложением этнокультурной семантики: *Нелоновы эти рубахи. Че он ее запрег. Че попало наденет, ходит. Холера его знат, какой-то не форсун. Как вятский. Те ведь как попало носят. Белы штаны, красны рубахи* (Рукописный архив).

4. Антропологический компонент актуализируется в высказываниях, отражающих рефлексии диалектоносителей по поводу своего отличия по внешним признакам от представителей населения Сибири, обозначаемого как чалдоны. В рефлексивное поле втягивается еще одна лексема (*чалдон*, *чалдонка*), происхождение которой оценивается этимологами как неясное (Аникин 2000): *Нет, я не чалдонка, я россиянка*.

Лексема употребляется как абсолютный синоним по отношению к лексеме *сибиряк*: *Одно же само, что чалдон, что сибиряк*. Осознание славянской принадлежности осуществляется через фиксацию своей непохожести с тюркоязычными народами: *Остяки – нация такая. Остяцкий поселок – нация тоже. Их туземцами называли. Инородец, туземец. Мы – русские. Они – остяки* (Рукописный архив). Лексема *чалдон* в значении «коренной сибиряк, русский» отмечается во многих диалектных словарях, составленных томскими диалектологами. «По антропологическому типу большинство этих людей можно отнести к метисным группам европеоидов и монголоидов. В большинстве своем это люди коренастые, со смуглой кожей, черными волосами и темными глазами» (Жигунова 2011: 8).

Еще в диалектных словарях последней половины XX в. (см., напр., «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (Словарь русских старожильческих 1967), где слово *чалдон* фиксируется как повсеместное) отмечается активное вхождение слова *чалдон* в диалектный дискурс, о чем свидетельствует широкое ее употребление не только в бытовом общении, но и в фольклорных жанрах, во фразеологических оборотах, а также в переносных значениях: «*Сполюбил меня, чалдонка*» (из песни) (Словарь русских старожильческих 1967); *Чалдонка – ругательство, «желторотый» говорят ешо. Мы-то не чалдоны; «Ты чалдон желторотый!» Это такое уязвительное слово; «Челдон желторотый» – так говорили* (Вершининский словарь 2002). В высказываниях анализируемая лексема занимает позицию объекта характеристики, позицию обращения.

В словарях XXI в. лексема фигурирует как устаревшая (например, Вершининский словарь 2002). Кроме того, в современной сельской коммуникации присутствуют коннотативные смыслы, отражающие пренебрежительное и презрительное отношение жителей города к сельскому населению: *Это городские нашего брата, как осердятся, «чалдонами» называют. Говорили: «Вы деревенские чалдоны»; Раз чалдон, дак, конечно, что неграмотный.* Таким образом, антропологический компонент семантики нивелируется, в ядерной зоне семантики оказываются оценочные смыслы семантики, что, видимо, в большей степени согласуется с лексическим значением, выделенным в словаре В.И. Даля: *челдон – это бродяга, каторжник* (Даль 1989).

5. Природно-климатический. Нагруженность семантики слов *сибирский, по-сибирски, сибиряк* смыслами, отражающими специфику природно-климатического характера, получает достаточно частотную актуализацию в диалекте, что обусловлено значимостью климатических условий для типов хозяйственной деятельности, комфортного проживания и т.д.: *Нынче дождь да холод. Вот лето-то сибирское* (Вершининский словарь 2002). *С сиверу ветер подул – ешшо холоднее, с полдня полегшее, по-хресьянски, по-чалдонски так зовут* (Словарь русских старожилов 1967). *Мы, сибиряки, должны жить по-сибирски. Мы в своей Сибири куфайку скинем и то далеко не закидываем. Мы привыкли по-сибирски* (Вершининский словарь 2002).

6. Историко-хронологический аспект семантики анализируемых лексем *сибирский, сибиряк* актуализируется в результате сопоставления и противопоставления коренных жителей Сибири и тех, кто приехал в Сибирь сравнительно недавно (новоселов, переселенцев): *Сибиряков уже мало осталось, все приезжие... Сибиряков-то мало, а все приезжий народ. Конец улицы называется Россейска. Ее люди из России построили. Как приехали россейски и искали себе россейских; Россейские пахали..., а сибирские совсем не пахали* (Мотивационный диалектный словарь 1983); *Родители мои коренные сибиряки* (Вершининский словарь 2002).

7. Ментально-психологический. Особые черты сибирского характера (бесстрашие, смелость, физическая выносливость) в говорах отмечается лишь в единичных случаях: *Ну, сразу у них там налет, и никто не знает ниче. Если бы не сибиряки, то все и Москву бы отдали и все* (Вершининский словарь 2002).

8. Лингвистический. Речевая специфика сибирского говора осознается на фоне сопоставления речевых особенностей старожилов и тех, кто переехал сравнительно недавно из европейской части России: *Их, рассейских, бывало, не поймешь, о чем говорят. «Сусек» по-расейски, а по-сибирски «анбар»* (Мотивационный диалектный словарь 1983).

Речевая рефлексия осуществляется и внутри славянского этноса: *Хохлы говорят «послухать», а у нас «послушать»* (Вершининский словарь 2002).

9. Аксиологический компонент значения анализируемых лексем проявляется в том, что принадлежность к сибирскому субэтносу осознается как высшая ценностная категория и маркируется положительной оценкой: *Сибиряк, сибиряк, самый вот чистый сибиряк* (Полный словарь сибирского говора 1995).

Таким образом, преобладающим видом в сельской коммуникации является групповая идентичность, о чем свидетельствуют преимущественно местоимения множественного числа первого лица (*мы, у нас*), противопоставленные местоимениям третьего лица множественного числа (*у них, они*) и сопровождающие актуализацию анализируемых лексем. Отметим неоднородность проанализированных контекстов, среди которых следует выделить «сильные», обладающие большой диагностической силой и дающие возможность однозначной интерпретации аспектов семантики, и «слабые», совмещающие или неявно проявляющие разные смысловые оттенки. Проанализированный материал показывает, что идентичность старожильского населения Сибири осознается как на фоне сравнения себя по ряду параметров с русским населением, недавно приехавшим в Сибирь, так и путем рефлексии по поводу своей непохожести на исконных жителей Сибири тюркского происхождения. При интерпретации результатов анализа сибирской идентичности необходимо ввести параметр «городская / сельская» коммуникация. Сопоставление диалектного материала и результатов анкетирования, проведенного среди жителей крупнейших сибирских городов (Красноярск, Новосибирск, Омск), показывает, что в зону рефлексии горожан в большей степени попадает сибиряк как особый тип человека, обладающего физической выносливостью, здоровьем и особыми чертами характера (Фельде 2011), что отражает существующие автостереотипы.

Анализ данных Национального корпуса русского языка. Данные НКРЯ дают возможность проанализировать разные типы текстов, в которых содержатся рефлексии по поводу анализируемых лексем не только самих жителей Сибири, но и людей, которые таковыми не являются.

В основном корпусе (на дату обращения 12.04.2015) лексема *сибиряк* зафиксирована в 85 996 документах, 19 362 746 предложениях. Вхождений - 213, документов - 153. Газетных документов - 211, 316 вхождений, на 332 720 документов - 173 518 798 вхождений.

Анализ НКРЯ выявил общность и различие в интерпретации сибирской идентичности по сравнению с диалектной коммуникацией. Общность заключается в наличии тех же смыслов, приписываемых лексеме *сибиряк*:

– топонимический: *Я всегда думала Саша пензенский / а он оказывается сибиряк* // [А, жен., 36];

– ментально-психологический: – *Что такое, по-вашему, сибиряк? – Сибиряк – это особое состояние души. Это умение не стонать и не ныть, даже когда кажется, что мир начинает рушиться.* [Корзенников Сергей. Владлен Бирюков: в актеры я пошел, чтобы выиграть велосипед // Труд-7. 2003.03.11];

– антропологический: *Здесь, в Сибири, сложился особый антропологический тип русского сибирского человека, тот, кого мы называем – сибиряк* // [Четыреста лет в составе России (2004) // Жизнь национальностей. 2004.06.16];

– этнический (этнокультурный): *Ваш Курентзис, например, грек, а сейчас уже, можно сказать, наполовину сибиряк* (улыбается, имея в виду, что Теодор Курентзис уже несколько лет руководит Ново-сибирской государственной оперой) // [Сергей Бирюков. Интервью Симона Кермес: «Может, еще спою на бэк-вокале у Rammstein» // Труд-7. 2009.04.14];

На Сахалине попадаются избы всякого рода, смотря по тому, кто строил – сибиряк, хохол или чухонец, но чаще всего – это небольшой сруб, аршин в шесть, двух- или трехконный, без всяких наружных украшений, крытый соломой, корьем и редко тесом // [А.П. Чехов. Остров Сахалин (1893-1895)];

Неоднородность сибирского населения также подвергается рефлексированию и свидетельствует о том, что сибиряк является «зонтичным» именованием жителей Сибири: *Он сибиряк, из байкальских казаков, много лет тому назад приехал с женой в Казань, чтоб дальше двинуться – в Москву, да в Казани и застрял* // [Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 2 (1934-1945)];

– историко-хронологический (биографический): *Если дед был сибиряк, значит, и я сибиряк* // [Заозерская Анжелика. Кшиштоф Занусси: «Мой дед пешком пришел из Сибири в Европу» // Труд-7. 2010.04.01];

И коренной сибиряк, по его словам, недолюбливает пришлого, особенно поселенца // [К.М. Станюкович. В далекие края (1886)];

– этнотопонимический: *Сибиряк лепил пельмени, кабардинец жарил шашлык, а девушки, как жительницы Центральной России, готовили салат «Оливье» и фаршированные помидоры* // [Америка знакомая и незнакомая (2003) // «Богатей» (Саратов). 2003.11.27];

– лингвистический: *Григорий сидел возле стола, щелкая тыквенные семечки. Рядом с ним – рослый сибиряк, пулеметчик. Он морщил ребячески-округлое лицо, говорил мягко, сглаживая шипящие, вместо «ц» произнося*

«с»: «селый полк», «месяс» выходило у него // [М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья (1928-1940)].

Вместе с тем необходимо отметить, что перечисленные аспекты анализируемого феномена структурируются по-другому, нежели в речи сибирских старожилов, отличия эти касаются прежде всего частотности актуализации отдельных аспектов. В зоне рефлексии в художественных и публицистических текстах находятся преимущественно особенности внешности и черты характера. Отмечаются физическая выносливость, богатырский рост, здоровье сибиряков: *Переселенцы уехали, а сибиряк хозяин с своей женой-сибирячкой, люди молодые, румяные и оба, так сказать, просторного телосложения, уселись неподалеку от меня на крыльце* // [Г.И. Успенский. Поездки к переселенцам (1889)]; *Желтухой и куриной слепотой – от отсутствия каких-то там витаминов, – но я что-то не припомню, чтоб Титков когда-нибудь чем-нибудь болел – здоровенный сибиряк, никакая хвороба его не брала* // [Виктор Некрасов. Случай на Мамаевом кургане (1965)].

Сибиряка как человека особой породы (по данным НКРЯ) характеризуют спокойствие, дружелюбие, радушие, настойчивость, надежность, смелость, способность ориентироваться в экстремальных ситуациях: *Сибиряк, смелый охотник, он пришел воевать из далекой сибирской тайги* // [П.А. Константинов. Вдохновляющий образ (1952.05.10) // Советское искусство. № 38 (1426). 1952]; *Сам Великий артист давно уже не принимал спиртного, угощать же как истинный хлебосольный сибиряк страсть как любит* // [Виктор Астафьев. Затеси (1999) // Новый Мир. 2000]; *Вот где корни нашего героя. Настоящий сибиряк: спокойный, неторопливый, мужественный. Но откуда эта элегантность, эта какая-то еле заметная утонченность?* // [Александр Лысенко. Главный юбилей (2004) // «64 – Шахматное обозрение». 2004.09.15]. Отрицательные черты характера или ироничные определения сибиряка встречаются лишь в единичных случаях: *Неосновательный мужик! – Сибиряк соленые уши. Не попадайся, убьет* [Ф.М. Достоевский. Записки из мертвого дома (1862)].

В отличие от диалектного дискурса, где самоидентификация осуществляется преимущественно на фоне сопоставления себя и других, в художественном и публицистическом дискурсах сибиряк характеризуется как особый ментально-психологический тип безотносительно к какой-либо группе. подача информации в высказываниях осуществляется в направлении от крупного плана, включающего общую оценку, к детализации этой оценки, раскрывающей суть определения «настоящий сибиряк». Преобладают в высшей степени положительные, эталонные характеристики, выраженные прилагательными *настоящий, истинный*.

Меняется семантический тип высказываний, содержащих анализируемые лексемы. Частотными являются высказывания не идентифицирующего типа, а характеризующего, в которых *сибиряк* занимает позицию характеризуемого объекта. Слабо выраженными оказываются отношения сопоставления по этническому признаку.

Вместе с тем в рефлексивных высказываниях художественного и публицистического дискурса в некоторых случаях прослеживается тенденция к осмыслению специфики сибирского характера через обращение к его славянским (русским) истокам и корням, в результате которых сибирский характер предстает прежде всего как феномен, вобравший лучшие (идеальные) черты русского характера, сформировавшегося в особых географических, климатических, этнокультурных условиях: *Русские, переселившиеся в Сибирь, создали некоторым образом особый русский тип. Сибиряк. Это означает сильный, уверенный в себе русский человек* // [Фазиль Искандер. Понемногу о многом // Новый Мир. 2000].

Немаловажно, что в публичных дискурсах, как и в диалекте, отмечается линия, разделяющая коренных сибиряков и недавних переселенцев из России, которые еще не подверглись сибирской «переплавке» и «перевовке» под воздействием новых условий:

Сказывают: сибиряк одной спичкой зажжет костер, тогда как «пришелец» употребит для того же канистру с бензином, зажигая ненароком тайгу [Михаил Гефтер. Какой я вижу Россию конца XX века? (1993) // Звезда. 2001].

«Ну, да и то сказать, и между росейскими немало разных «жиганов» да «бакланов»... Сибиряк и боится!» – прибавил белорус [К.М. Станюкович. В далекие края (1886)].

Как и в диалектной коммуникации, выражено сопоставление сибиряка с представителями славянского этноса, актуализирующее этнический компонент семантики анализируемой лексемы: *Сестра – нет, типичная украинка, а доктор – сибиряк* [Вадим Кожевников. Щит и меч. Книга вторая (1968)].

Что касается лексемы *чалдон*, то она имеет всего 50 вхождений в НКРЯ и, в отличие от лексемы «сибиряк», маркируется амбивалентной оценкой: *чалдон – звероподобный, глупый, лиходеи, но добрый, как дитя:*

В жизни живут лишь / Раз,

Я вспоминать / Не горазд.

Глупый сибирский / Чалдон.

Скуп, как сто дьяволов, / Он. //

[С.А. Есенин. Поэма о 36 (1924)].

Выводы. Анализ различных типов дискурсов показывает, что лексема *сибиряк* и однокоренные с ней языковые единицы, а также абсолютные синонимы (*чалдон, чалдонка*) наполняются целым спектром смыслов, свидетельствующих об осознании сибирской идентичности и самоидентичности. По данным коммуникации, сибиряки – это люди, проживающие на территории Сибири, осознающие свою принадлежность и к славянским народам, и к коренным народам Сибири неславянского происхождения. Особые климатические, географические условия, удаленность от центра России, контакты с представителями различных этнических групп обусловили сибирскую специфику, проявляющуюся в обрядах, обычаях, речи, манере одеваться, ведении хозяйственной деятельности, и послужили поводом к выделению субэтноса сибиряков.

В диалектной коммуникации, отражающей типичные черты русских сибирских старожилов, рефлексии подвергаются отличия историко-хронологического, этнокультурного, территориального свойства.

Стереотипный образ сибиряка, создаваемый средствами художественной литературы и публицистики, отражает прежде всего внешность и особенности сибирского характера и лежит в плоскости ментально-психологических установок. Сибирский характер осмысливается как особый тип русского характера, сформировавшийся в уникальных условиях. Эта же тенденция прослеживается и в материалах, полученных путем социологических и психолингвистических опросов.

Славянская составляющая образа сибиряка выявляется на фоне его сопоставления с представителями славянского этноса, прежде всего с русскими. Сибиряки осознают свое славянское происхождение, русскую идентичность, но видят и отличие по целому ряду признаков. Осознание этнической специфики наиболее отчетливо проявляется в высказываниях с семантикой сопоставления, где в отношениях соположенности оказываются этнонимы, именующие отдельные славянские народы (например, сибиряк и украинец). Славянский компонент самоидентификации и идентификации актуализируется при осмыслении отличий от коренных народов Сибири, а также от русских, являющихся недавними переселенцами из европейской части России.

Таким образом, при полном наборе аспектов семантики анализируемых лексем, вычленяемых в различных типах коммуникации, в каждом дискурсе преобладающими оказываются разные виды признаков, на основании которых осуществляется процесс идентификации и самоидентификации и актуализируется славянская составляющая названных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин 2000 - *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.

Блинова 2006 - *Блинова О.И.* Томская диалектологическая школа: историографический очерк / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 392 с.

Бороноев 2010 - *Бороноев А.О.* Проблемы динамики сибирской идентичности // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 3. С. 81-85.

Васеха 2014 - *Васеха М.В.* Кто такой «сибиряк»? Что такое сибирская идентичность // Вестник российской нации. 2014. № 6-6. С. 316-327.

Вершининский словарь 2002 – *Вершининский словарь*: В 7 т. / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998-2002.

Даль 1998 - *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1998. Т. 4. 685 с.

Ечевская, Анисимова 2012 – *Ечевская О.Г., Анисимова А.А.* Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2012. 176 с.

Жигунова 2011 - *Жигунова М.* Сибиряк как новая национальность: миф или реальность? // Родина. 2011. № 11. С. 11-15.

Крысько 1999 - *Крысько В.Г.* Этнопсихологический словарь / Под ред. В.Г. Крысько. М.: Московский психолого-социальный институт, 1999. 342 с.

Лаппо 2013 - *Лаппо М.А.* Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 180 с.

Мамсик 2004 - *Мамсик Т.С.* Этносоциальный состав старожилов Среднего Приобья (по материалам сравнительного анализа массовой статистики) XVII – XIX вв.). Сибирская деревня: проблемы истории / Под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2004. 2006 с.

Марков 2003 - *Марков В.И.* Евразийство как культура ценностей // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2003. № 3. С. 24-28.

Мотивационный диалектный словарь 1983 - Мотивационный диалектный словарь: В 2 т. / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. Т. 2. П–Я. 370 с.

Национальный корпус русского языка 2015 - Национальный корпус русского языка / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2015. URL: <http://www.Ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.04.2015).

Полный словарь диалектной 2012 - Полный словарь диалектной языковой личности: В 4 т. / Под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. Т. 4. Т–Я. 363 с.

Полный словарь сибирского говора 1995 - Полный словарь сибирского говора. / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 4: С–Я. 274 с.

Попков 2002 - Попков Ю.В. Четвертый международный семинар «Этно-социальные процессы в Сибири» // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 1. С. 123-133.

Резанова, Шияев 2015 - Резанова З.И., Шияев К.С. Этнонимы «русин», «руси́нский» в русской речи: корпусное исследование // Русин. 2015. № 1 (39). С. 239-255.

Серебренникова 2004 - Серебренникова А.Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» (лингвокультурологический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 213 с.

Словарь русских старожильческих 1967 - Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: В 3 т. / Под ред. В.В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1967. Т. 3. 250 с.

Суляк 2004 - Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев: Издательский дом «Татьяна», 2004. 240 с.

Суляк 2009 - Суляк С.Г. Руси́ны: прошлое, настоящее, будущее // Русин. 2009. № 3 (17). С. 61-70.

Фельде 2011 - Фельде О.В. Свои и чужие в языковом сознании сибиряков // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск, 2011. № 3 (15). С. 59-64.

Эриксон 1996 - Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 342 с.

Ябур, Плешакова 2005 - Ябур В., Плешакова А. Академик Н.И. Толстой о русинском языке // Русин. 2005. № 1 (1). С. 72-73.

REFERENCES

Anikin, A.E. (2000) *Etimologicheskij slovar' russkikh dialektov Sibiri: zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological dictionary of Russian Siberian dialects: borrowings from Ural, Altai and paleo-Asian languages]. Moscow, Novosibirsk: Nauka.

Blinova, O.I. (ed.) (2006) *Tomskaya dialektologicheskaya shkola: istoriograficheskiy ocherk* [The Tomsk dialectal school: A historiographical review]. Tomsk: Tomsk State University.

Boronoev, A.O. (2010) Problems of dynamics of the Siberian identity. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana) – society. Environment. Development (Terra Humana)*. 3. pp. 81-85.

Vasekha, M.V. (2014) Who is the «Siberian»: what is Siberian identity. *Vestnik rossiyskoy natsii – Bulletin of Russian Nation*. 6-6. pp. 316-327.

Blinova, O.I. (1998 – 2002) *Vershininskiy slovar'*: V 7 t. [J]. Tomsk: Tomsk State University.

Dal, V.I. (1998) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*: V 4 t. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols.]. Moscow: Russkiy yazyk.

Echevskaya, O.G. & Anisimova, A.A. (2012) *Sibirskaya identichnost': predposylki formirovaniya, konteksty aktualizatsii* [Siberian identity: formation background and contexts of realization]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

Zhigunova, M. (2011) Sibiryak kak novaya natsional'nost': mif ili real'nost'? [Siberia as a new nationality: myth or reality?]. *Rodina*. 11. pp. 11-15.

Krysko, V.G. (ed.) (1999) *Etnopsikhologicheskiy slovar'* [Ethnopsychological Dictionary]. Moscow: Moscow Psychological Social Institute.

Lappo, M.A. (2013) *Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy* [Selidentification: semantics, pragmatics and language resources]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

Mamsik, T.S. (2004) Etnosotsial'nyy sostav starozhilov Sred-nego Priob'ya (po materialam sravnitel'nogo analiza massovoy stati-stiki) XVII–XIX vv.) [Ethno-social composition of the old residents of the Middle Ob (based on the comparative analysis of the mass statistics) in the 17th – 19th centuries]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Sibirskaya derevnya: problemy istorii* [The Siberian village: problems of history]. Novosibirsk: Institute of History SB RAS.

Markov, V.I. (2003) Evraziystvo kak kul'tura tsennostey [Eurasianism as a culture of values]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 24-28.

Blinova, O.I. (1983) *Motivatsionnyy dialektnyy slovar'*: V 2 t. [The Motivational Dialect Dictionary. In 2 vols.]. Tomsk: Tomsk State University.

Ruscorpora.ru. (2015) *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corps]. Moscow: Institute of the Russian Language. [Online]. Available from: <http://www.Ruscorpora.ru> (Accessed: 12th April 2015).

Ivantsova, E.V. (ed.) (2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti*: V 4 t. [The Complete Dictionary of the Dialect Linguistic Identity. In 4 vols.]. Tomsk: Tomsk State University.

Blinova, O.I. (1995) *Polnyy slovar' sibirskogo govora*. T. 4: S–Ya [The Complete Dictionary of Siberian Dialect. Vol. 4: S–Ya]. Tomsk: Tomsk State University.

Popkov, Yu.V. (2002) Chetvertyi mezhdunarodnyy seminar “Etno-sotsial'nye protsessy v Sibiri” [The 4th International Seminar “Ethnosocial processes in the Humanities in Siberia”]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1. pp. 123-133.

Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Ethnonyms “Rusin” and “Rusinian” in Russian discourse: a corpus study. *Rusin*. 1 (39). pp. 239-255.

Serebrennikova, A.N. (2004) *Dialektnoe slovo s semantikoy "svoystvennosti" – "chuzhdosti" (lingvokul'turologicheskiy aspekt)* [The dialectal word with the semantics "us" – "them" (a linguocultural aspect)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

Palagina, V.V. (ed.) (1967) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi: V 3 t.* [The Dictionary of Russian Dialects of Starozhily in the middle part of the Ob. In 3 vols.]. Tomsk: Tomsk State University.

Sulyak, S.G. (2004) *Oskolki Svyatoy Rusi. Ocherki etnicheskoy istorii rusnakov Moldavii* [The shatters of Holy Rus. The essays of the ethnical history of the Russians in Moldavia]. Kishinev: Tat'yana.

Sulyak, S.G. (2009) Rusins: The past, the present, the future. *Rusin.* 3 (17). pp. 61-70.

Felde, O.V. (2011) The native and the foreign in the linguistic consciousness of the Siberians. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 3 (15). pp. 59-64.

Erikson, E. (1996) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Translated from English by A.D. Andreeva. Moscow: Progress.

Yabur, V. & Pleshakova, A. (2005) Akademik N.I. Tolstoy o rusinskom yazyke [Academician N.I. Tolstoy about the Rusinian language]. *Rusin.* 1 (1). pp. 72-73.

Демешкина Татьяна Алексеевна – доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Томского государственного университета.

Demeshkina Tatiana – Tomsk State University (Russia).

E-mail: demeta@rambler.ru